

Р. П. Катанян

АРМЕНИИ ОВВЬЯН

В 1912 г. согласно постановлению Пражской конференции РСДРП тифлиссские большевики готовились к выборам в IV Государственную Думу.

Секретарь Тифлиссского Комитета партии Елена Дмитриевна Стасова на организационное собрание по выборам явилась в сопровождении двух преподавательниц школы общества учительниц. Одна из них — Мария Петровна Вохмина, женщина 25—26 лет — состояла членом партии, была одной из помощниц Стасовой.

Вторую звали Арменуи Сумбатовна Оввьян. Ей было лет 19—20. Лицо обычное в Закавказье. С одинаковым основанием ее можно было принять за армянку и за грузинку. Петербуржцы, прибывшие на судебный процесс Стасовой и ряда товарищей, в числе которых была и Арменуи Оввьян, говорили, что она (т. е. Оввьян) своей внешностью напоминала одну из итальянских мадонн.

Оввьян была член партии. Но в первое время она не освоила правил конспирации. Это объяснялось ее юным возрастом и недостаточной опытностью в революционной работе. В дальнейшем, в Сибири, она хорошо овладела приемами подпольной работы.

На указанном совещании, кроме коммунистов, присутствовал один беспартийный из так называемых прогрессистов, сотрудник издававшейся в Москве газеты «Русское слово» — Юрий Кобяков. Собрание состоялось на его же квартире. Но только лишь после февральской революции было установлено, что этот Юрий Кобяков состоял на службе у охранного отделения.

В числе представленных им в охранное отделение донесений сохранились доклады о двух собраниях коммунистов, обсуждавших организационные мероприятия, необходимые при проведении выборов в IV Государственную Думу.

14 июня начальник тифлиссского губернского жандармского управления доносил в департамент полиции¹:

«4 июня состоялось новое собрание. На нем из прогрессистов присутствовал лишь один хозяин квартиры, журналист Юрий Дмитриевич Кобяков; из социал-демократов: 1) помощник присяжного поверенного Рубен Павлович Катанян; 2) присяжный поверенный Бродский; 3) не

¹ ЦГАОР, ф. ДПОО, 1912, д. 5, ч. 79, л. 82.

известный ни по имени, ни по фамилии приказчик-туземец, заинтересованный в деле учреждения профессионального союза приказчиков и высказавший, что если союз не будет учрежден, то приказчики уйдут в подполье; 4) учительница школы общества учительниц Елена Дмитриевна Стасова и 5) и 6) две учительницы из той же школы, пришедшие вместе со Стасовой. Ожидали прихода помощника присяжного поверенного Гепштейна и неких «Виктора» и «Касьяна», но те не пришли. Собравшиеся говорили об объединении прогрессивных элементов с социал-демократами большевиками по русской курии² и о работе по туземной курии, причем было решено принять меры к тому, чтобы войти в непосредственное сношение с избирателями и «натаскивать» их. Для связи с избирателями предполагалось войти в число санитарных попечителей и попечителей туберкулезного общества... Проникнув в попечители, социал-демократы думают, прикрываясь своим званием, посещать избирателей и «натаскивать» их... Стасова упомянула, что социалисты-революционеры в выборах участвовать не будут.

8 июня в квартире того же Кобякова состоялось второе собрание. На нем присутствовали те же социал-демократы, причем, удалось установить, что одну учительницу зовут «Марьей Петровной», а другую — туземку — «Ремену Сагиновна»; упоминавшаяся на первом собрании у Кобякова «Елена Александровна» оказалась женщиной-врачом Шах-Назаровой, которая по случаю выезда на лето в Сурам от работы отказалась. Посылали за Буду Мдивани, причем вызывали его запиской на имя Ксении Ивановны Цулукидзе, которая ответила, что Мдивани нет в Тифлисе; называли «Нерсеса» и «Касьяна», не пришедших на собрание, не был и приказчик.

На собрании выяснилось, что социал-демократы заняты в городской управе переписыванием старых списков избирателей, для чего в статистический отдел Управы, с разрешения заведующего отделом Павла Александровича Аргутинского-Долгорукова, посадили несколько человек, в числе коих есть барышня Шушаник Галдава. По этим спискам, которые сначала будут проверены Катаняном, он будет рассылать «избирательную платформу РСДРП», перепечатанную из «Социал-демократа».

Стасова заявила, что на все лето уезжает сначала в Петербург, а потом на Урал «не для работы, а для отдыха».

Катанян поручил «Ремену Сагиновне» завязать связи с «гнчакистами», но розыск ее не дал никаких результатов».

Эти сведения, доставленные Кобяковым, дали жандармскому управлению новый материал для усиления надзора за окружением Е. Д. Стасовой и взятия на учет Вохминой и Оввян. Они обе «были определены», т. е. предназначены к аресту в ближайшее время. За ними был учрежден неусыпный надзор. Однако эти две девушки, неопытные в подпольной

² В целях искусственного обеспечения представительства русского населения, по положению 3-го июня 1907 г. в Закавказье была создана специальная «русская курия» для участия в выборах в Государственную Думу.

работе, не обратили внимания на то, что за ними по пятам ходят какие-то неприятные люди.

10 июня 1912 г. Е. Д. Стасова уезжала из Тифлиса. На вокзале ее провожали Вохмина Мария Петровна и Оввяян Арменуи Сумбатовна, которую провокатор Кобяков в своем донесении по ошибке назвал Раменуи Сагиновна. После отхода поезда обе отправились на квартиру Вохминой и вновь не обратили внимания на то, что следом за ними шли какие-то люди.

В донесении начальнику департамента полиции — все от того же 14 июня говорилось: «...Проводив Стасову, Вохмина поехала с Оввяян на свою квартиру, откуда Оввяян вынесла завернутый в газетную бумагу сверток и отнесла его с соблюдением предосторожностей в дом № 7 по Мало-Ванкской улице, откуда скоро вышла без свертка и направилась в квартиру при школе общества учительниц».

Получив от сыщиков результаты наблюдения, жандармское начальство срочно произвело обыск на Мало-Ванкской улице в квартире родственников Оввяян. В этом доме проживал дядя Арменуи Оввяян-Мгебров со своей женой Варварой Ханджаладзе.

В результате обыска была обнаружена печатная литература Российской социал-демократической рабочей партии и переписка партийного характера. Это был партийный архив. Среди печатной нелегальной литературы были резолюции и постановления партии, воззвания и другие партийные документы.

После обыска были арестованы Мгебров, его жена — Варвара Ханджаладзе и воспитанница последней. На другой же день, как указывается в обвинительном акте, арестованные показали, что «портфель со всеми в нем предметами и коробка от папирос с воззваниями и рукописями принесены 10 июня для временного хранения племянницей жены Мгеброва Арменуи Оввяян».

В тот же день была обыскана Арменуи Оввяян. У нее при обыске ничего компрометирующего не было найдено, и все же она была арестована. Одновременно была арестована у себя на квартире Мария Петровна Вохмина, у которой также были обнаружены партийные документы.

Арменуи Оввяян было предъявлено обвинение в принадлежности к Российской социал-демократической рабочей партии. В подтверждение обвинения жандармы ссылались на обнаруженные документы. В свое оправдание Арменуи заявила, что ей неизвестно было содержимое в портфеле и в деревянной коробке от папирос, что она, не имея собственной квартиры, отнесла захваченный жандармами сверток на квартиру своего дяди Мгеброва и просила свою тетю Варвару Ханджаладзе на некоторое время сохранить принесенное и уверила ее, что в свертке находится ее личная переписка. Этого объяснения она придерживалась как на протяжении всего следствия, так и на суде.

Среди обнаруженного были некоторые документы Стасовой, поэтому Оввяян не возражала, что обнаруженные у нее материалы принадлежат Стасовой и что якобы последняя передала их ей на хранение. Объяс-

нения Оввьян в общем соответствовали действительности, за исключением одного — пакет ей передала не Стасова, а Мария Петровна Вохмина. Это было известно жандармам. Неправильность показания Оввьян можно объяснить либо желанием выгородить свою подругу — Вохмину, либо тем, что она бессознательно перепутала обстоятельства дела. Вообще для суда было не важно, от кого она получила сверток с партийными документами, да и, кроме того, это не ухудшало положения Стасовой. Существенное значение имело другое — приняла ли Оввьян на хранение документы, выполняя партийное поручение или взяла их по просьбе Стасовой, не зная их содержания.

Жандармы отлично понимали, что при отсутствии доказательств осведомленности Оввьян о содержании пакетов обвинение может провалиться. Следователи-жандармы всеми мерами пытались доказать, что Оввьян была прекрасно осведомлена о том, какие документы она взяла на хранение. Жандармы не брезгали никакими средствами, чтобы доказать виновность Оввьян. Они прибегали к провокациям, к фальсификациям и лжесвидетельствам. Но все было напрасно — Оввьян твердо держалась данных ею объяснений.

Стасова с первых допросов вообще отказалась разговаривать с жандармами. Она прямо заявила, что объяснения она будет давать на суде и только на суде. И все же жандармы вызвали Стасову вторично на допрос по вопросу об осведомленности Оввьян о содержании отображенных документов.

С целью облегчить положение Арменуи Стасова решила дать показания об Оввьян и только об Оввьян. Дважды допрашивали Стасову по этому вопросу, и она дважды подтвердила, что Оввьян ничего не знала о содержании документов.

Жандармское управление приняло энергичные меры к обеспечению доказательств виновности Оввьян. Жандармы сумели получить от Варвары Ханджаладзе сведения, настолько компрометирующие ее племянницу, что некоторые товарищи пришли к выводу о враждебном отношении Ханджаладзе к Арменуи Оввьян.

Наиболее важные части показаний Ханджаладзе были включены в обвинительный акт. «Из показаний Варвары Ханджаладзе, — говорится в обвинительном акте, — видно, что, принеся означенные вещи (сверток и деревянную коробку от папирос), Арменуи Оввьян на вопрос Ханджаладзе о том, не находится ли в свертке что-либо такое, за что ей, Ханджаладзе, впоследствии пришлось бы отвечать, сказала, что в свертке находятся письма от ее, Оввьян, жениха и что в деревянной коробке тоже лежат письма от ее жениха и даже карточка последнего».

Кажется странным, как случилось, что забеспокоившаяся о том, как бы ей впоследствии не пришлось отвечать, Варвара Ханджаладзе даже не задумалась над вопросом — что же случилось такого, что заставляет Арменуи срочно прятать письма и карточку жениха, ведь писем было большое количество, и она до этого времени спокойно хранила у себя большую переписку.

Эта часть показаний Ханджаладзе вызывала большие сомнения. От них веяло надуманностью. Дальнейшие показания ее вызывали еще большее недоумение.

«Взяв от Оввьян принесенные вещи,— продолжала Ханджаладзе,— она (т. е. Ханджаладзе) хотела отнести их в комнату, но Оввьян сказала ей, что не надо прятать их в комнате, потому что их может увидеть Яков Мгебров (т. е. дядя Оввьян). Поэтому она спрятала ящик и сверток на кухне».

Не должно ли было вновь возникнуть у Ханджаладзе подозрение в неискренности Оввьян? В самом деле — чего ей было опасаться, что дядя узнает о нахождении в свертке писем жениха племянницы? В крайнем случае ему стало бы известно о девичьих тайнах племянницы.

Оввьян, по всей вероятности, опасалась, что дядя Мгебров развернет сверток и убедится, что в свертке и коробке находились не письма, а бумаги антиправительственного содержания, что жениха Арменуи зовут Российская социал-демократическая рабочая партия.

На следствии была взята линия на дискредитацию Оввьян в глазах родственников и на доказательство ее осведомленности о содержании свертка и коробки. Ханджаладзе продолжала усердно вести выгодную жандармам линию.

«Когда же ночью означенный сверток и ящик,— продолжала Ханджаладзе,— были обнаружены полицией по обыску, то к ней на завтра явился брат Арменуи — Ашот, который стал учить ее показывать, что она не знает кто принес к ним на квартиру сверток и ящик и говорил, что ей ничего особенного не будет, что она посидит только три месяца в тюрьме, что «их» партия будет ей помогать» (см. обвинительный акт).

Этой частью своих свидетельствований Ханджаладзе показала, что она готова на все, лишь бы угодить жандармскому начальству. Нет сомнения в том, что по крайней мере последняя часть ее показаний об Ашоте, брате Арменуи, была продиктована жандармами. Из слов Ханджаладзе вытекало, что Ашот Оввьян также состоял членом партии и был заинтересован в изменении показаний Ханджаладзе не только как брат привлеченной к ответственности Арменуи, но и как член РСДРП.

Жандармы так дорожили показаниями Ханджаладзе, считали их столь бесспорными, что не нашли нужным хотя бы для видимости устроить очную ставку между обвиняемой и несколько странной свидетельницей.

У читателей может возникнуть вполне законный вопрос — почему жандармское управление, зная о состоявшихся двух собраниях по выборам в Государственную Думу, не привлекло к ответственности всех участников собраний, а ограничилось возбуждением уголовного преследования только в отношении трех: Стасовой, Вохминой и Оввьян.

Ответ на это находим в донесениях начальника жандармского управления в департамент полиции, в которых неоднократно повторяется выражение: «не арестован по агентурным сообщениям» либо «не арестован во избежание расшифровки информатора».

На основании показаний Варвары Ханджаладзе судебная палата признала, что Арменуи Оввян знала о содержимом в свертке и деревянной коробке, что она взяла сознательно на хранение важнейшие партийные документы и что она являлась одной из руководительниц тифлисской большевистской организации.

Судебная палата большинством в шесть голосов против одного приговорила Оввян Арменуи Сумбатовну к вечному поселению. Против такой бессмыслицы голосовал только городской голова А. И. Хатисов. Он счел необходимым подать особое мнение следующего содержания: «Не глядя в обстоятельства дела никаких данных для вменения подсудимой Оввянц какого-либо преступления, я высказываюсь, что она совершенно невиновна. По обвинительному акту ей вменяется в вину заведомое знание содержимого пакета, полученного от Стасовой, и в этом якобы заключается ее вина. Но именно этого обстоятельства ни свидетели, ни документы не установили. Между тем это недоказанное обстоятельство повлекло для Оввянц наказание — вечное поселение. Принимая во внимание ее годы, ее полную несудимость ранее, отсутствие каких-либо улик, нахожу необходимым ее оправдать».

Оввян подала кассационную жалобу в правительствующий Сенат, который ее жалобу оставил без удовлетворения.

Оввян Арменуи Сумбатовна пошла на поселение. Там она окончательно оформилась как коммунистка и до конца своей жизни оставалась верной Коммунистической партии Советского Союза.

Царский суд приговорил Арменуи Оввян вместе с товарищами Спандаряном, Е. Д. Стасовой и другими к вечному поселению. Вслед за царским судом «петушком, петушком» поспешали руководители тифлиских меньшевиков. В целях оправдания своей бездеятельности и измены делу рабочего класса, они распускали злобные, клеветнические слухи о том, что осужденные были не социал-демократы, а армянские националисты, изменившие идеям социал-демократии.

Это была наглая ложь! Она сочинялась теми, кто впоследствии, после 1917 года, сбросил с себя маску социалистов и показал свою подлинную физиономию.

А конец жизни этой чистой девушки был поистине ужасный. Оклеветанная какими-то негодяями, она была арестована и расстреляна.

*

Редакция сочла необходимым поместить некоторые сведения об А. С. Оввян и ее семье, сообщенные сестрой ее — Смбат-Ануш Оввян.

Арменуи Смбатовна Оввян принадлежит к семье Смбата Тер-Осиповича Оввяна, одного из участников (с Ваганом Ротиняном) народнического движения в школе Нерсисяна 80-х гг. XIX века. Позже он был артистом (в труппе Адамяна), учителем, приказчиком. Будучи прогрессивным деятелем, он воспитал своих детей в демократическом духе.

Старший сын Шаварш Смбатович, член ВКП(б) с 1903 года, во время дашнакской авантюры в феврале месяце 1921 г. возглавляет коммунистический отряд, защищающий г. Эривань от дашнаков. 18 февраля он был убит. Младший брат, Ашот Оввян, солдат,

выбранный в Совет солдатских и крестьянских депутатов, погиб в боях под Орлом в 1918 г. Два других брата и сестра стали жертвой культа личности Сталина. Арменуи Оввяян-Гавен работала после царской ссылки в городе Симферополе, была секретарем Арм. бюро с 1917 по 1925 гг. С 1925 г. с переводом мужа в Москву в Госплан ее тоже переводят в Москву. В 1929 г. поступает в Энергетический институт парт. тысячницей, а в 1936 г. после ареста мужа — Ю. П. Гавена — ее тоже арестовывают. В 1937 году они погибли в тюрьме. Арменуи Гавен и Ю. П. Гавен были реабилитированы и восстановлены в рядах КПСС посмертно. Сестра Арменуи — Смбат-Ануш Оввяян, сосланная на Калыму в лагерь, вторично на десять лет — в Казахстан, была учительницей в начальных классах русской семилетней школы. Также реабилитирована и восстановлена в партии. Ныне персональный пенсионер.

Ռ. Պ. Գարանյան

ԱՐՄԵՆՈՒԶԻ ՀՈՎՎՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

1912 թ. Թիֆլիսի բողոքիկները նախապատրաստվում էին 4-րդ պետական դումայի ընտրություններին: Այդ կապակցությամբ տեղի ունեցած երկու կազմակերպական ժողովներին մասնակցել է նաև Արմենուհի Հովվյանը՝ պարտիական անլեզալ աշխատանքների մասնակիցը: Այդ ժողովների մասին հայտնի է դառնում պահանջողական բաժնին: Շուտով Արմենուհի Հովվյանը բանտարկվում է: Հետաքննության ժամանակ նրա բռու՝ Մհերովի բնակարանում հայտնաբերվում է անլեզալ պարտիական գրականության մի կապոց: Այդ կապոցը Ա. Հովվյանը ստացել էր պրոֆեսիոնալ կուսակցական աշխատող Ելենա Դմիտրևնա Ստասովայից:

Պահանջողական բաժնի նյութերի հիման վրա այդ գործի համար Արմենուհի Հովվյանը դատապարտվում է ցմահ արտաքսման՝ Սիբիր: